

Махно Лев Львович**Makhno Lev Lvovich**кандидат исторических наук, доцент
Тюльского государственного университетаPhD in History, Associate Professor,
Tula State University**ТЕМА ДУХОВНОГО
ПОДВИЖНИЧЕСТВА В ТРУДАХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.****THE PROBLEM OF RELIGIOUS
ASCETICISM IN THE WORKS
OF RUSSIAN AND SOVIET HISTORIANS
AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY****Аннотация:**

В статье на основе анализа трудов отечественных светских ученых и историков-клириков рубежа XIX–XX вв. – Е.Е. Голубинского, А.П. Доброклонского, С.И. Смирнова, П.В. Знаменского, А.В. Карташёва, М.В. Толстого, Е.Н. Поселянина – рассматривается тема духовного подвижничества в контексте социального служения Русской православной церкви. Автор выясняет, как на Руси зарождалось православное подвижничество, приводит классификацию видов духовного подвижничества, характеризует наиболее выдающихся подвижников Древней Руси: Антония и Феодосия Печерских, преподобного Сергия игумена Радонежского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, Даниила Переяславского, Кирилла и Феропонта Белозерских. Определено значение каждого из видов православного духовного подвижничества для российской государственности, Русской православной церкви, российской культуры, особенно книжной, устройства частной и общественной жизни.

Ключевые слова:

православие, Русская православная церковь, российская государственность, подвижники благочестия, канонизация, социальное служение.

Summary:

The paper studies the problem of religious asceticism in the context of community service for the Russian Orthodox Church based on the analysis of works by the Russian and Soviet scholars and churchman historians at the turn of the 19th and 20th centuries: Ye.Ye. Golubinsky, A.P. Dobroklonsky, S.I. Smirnov, P.V. Znamensky, A.V. Kartashev, M.V. Tolstoy, Ye.N. Poselyanin. The author looks into the birth of orthodox asceticism in Rus, provides a classification of the types of religious asceticism, gives characteristics of the most prominent ascetics in the Ancient Rus, such as Anthony and Theodosius Pechersky, Venerable Sergius hegumen of Radonezh, Joseph of Volotsk, Nilus of Sora, Daniel of Pereslavl, Cyril and Therapont of Beloozero. The author indicates the importance of each of the types of the orthodox religious asceticism for the Russian statehood, the Russian Orthodox Church, Russian culture, especially book culture, private and social life.

Keywords:

Orthodox Christianity, the Russian Orthodox Church, Russian statehood, ascetics of godliness, sanctification, community service.

Тема духовного подвижничества в современной светской исторической литературе освещена недостаточно. Это обстоятельство служит одним из подтверждений актуальности данной темы.

Духовное подвижничество – это путь христианского совершенствования, духовного возрастания человека с помощью Божией. Это путь ко Христу, строгое и взыскательное отношение к себе как к христианину.

Основополагающие принципы, которыми мы руководствуемся при написании статьи, – историзм, объективность и сравнительно-сопоставительный анализ.

Предметом рассмотрения стали труды отечественных церковных и светских исследователей. Объектом служит описываемая в трудах исследователей практика духовного подвижничества.

В отечественной историографии конца XIX – начала XX в. одним из актуальных направлений социального служения Русской православной церкви, которое привлекало внимание русских светских ученых и историков-клириков, была тема духовного подвижничества и развития православной культуры в исторической ретроспективе. Столь пристальное внимание к этим направлениям социального служения со стороны историков дореволюционного периода объяснил Г.П. Федотов. В 1931 г. он высказал мысль, вполне применимую не только к началу 1930-х, но и к началу 1900-х гг.: «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России, в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути» [1, с. 12]. На наш взгляд, для русских историков потребность такого исторического обоснования изучения деяний подвижников благочестия обусловлена тем, что в истории Русской православной церкви были периоды, когда жизнь народа направлялась не авторитетом духовной иерархии, а высоким служением святых подвижников.

Актуальность выбранной темы подтверждает и сам факт причисления Русской православной церковью на рубеже XIX–XX вв. к лику святых шести подвижников веры – преподобных Феодосия

Углицкого (1896), Серафима Саровского (1903), Иоасафа Белгородского (1911), Гермогена – Патриарха Московского и Всея Руси (1913), Питирима Тамбовского (1914), Иоанна Тобольского (1916).

По мнению С.Л. Фирсова, подобной «канонизационной активности» Церковь не знала за весь синодальный период, так как за XVIII–XIX вв. к лику святых было причислено только четыре подвижника веры – святители Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский [2].

Можно предположить, что этот процесс также заставляет историков 1880–90-х гг. обращаться к личностям «забытых» православным государством подвижников, восполняя историческую несправедливость [3].

Цель статьи заключается в том, чтобы дать оценку роли трудов отечественных светских и церковных историков в воссоздании реально существовавшей в разные исторические периоды практики духовного подвижничества.

Изучению духовного подвижничества на основе житий святых уделяли внимание все крупные светские и церковные историки, работы которых на рубеже XIX–XX вв. стали исследовательским ориентиром для богословов, духовных писателей, светской профессуры и преподавателей провинциальных духовных семинарий [4]. Подвижничество, изучаемое русскими историками Церкви, становится с их подачи одним из агиологических типов святости. Современный исследователь О.В. Гжибовская обратила внимание на недостатки церковно-исторического подхода в изучении этой темы. По ее мнению, они заключались в обособленном существовании и тяготении к описательности обобщающих работ рассматриваемого периода, в соответствии их стилистики нормам церковно-исторической науки XIX в. [5]. Однако и она признает существование критически мыслящих историков Церкви, скептически относящихся к житиям святых как достоверному историческому источнику при обращении к теме православного подвижничества.

Приверженец критической подачи материала Е.Е. Голубинский стремился не только к характеристике разнообразных видов подвижничества, но и к историческому анализу этого феномена.

Позиция Е.Е. Голубинского соответствовала его концепции построения истории, согласно которой подвижничество существовало издавна, но сведений о нем осталось немного: «...положительных сведений о наших подвижниках периода домонгольского мы имеем в своем распоряжении слишком мало. Только Печерский монастырь несколько озаботился описать подвиги своих подвижников, которых одних мы и имеем в своем распоряжении для некоторого образца» [6, с. 646].

Из среды древнерусских святых Е.Е. Голубинский выделяет истинных подвижников: Антония и Феодосия Печерских, потому что они не только подвизались сами, но сильны были вдохнуть ревность к Богу в других. При Феодосии Печерском монастырь имел целый собор подвижников [7].

Ученый выделяет подвижничество обыкновенное, пещерничество, затворничество и столпничество. Это стало первой попыткой в отечественной историографии Церкви систематизировать это явление. Однако позиция профессора Московской академии очевидна: подвижничество не обязательно должно было приносить общественную пользу, как и монашество в целом, поскольку подвижники занимались спасением собственных душ. Исследуя затворничество, Е.Е. Голубинский анализирует каноническое правило, установленное VI Вселенским собором, которое предусматривает возможность оставления затворником затвора на пользу обществу [8].

Существенный вклад в историографию православного подвижничества внес другой представитель Московской духовной академии, профессор С.И. Смирнов. Основную свою задачу при обращении к сонму преподобных древнерусского периода, поставленную в работе «Как служили миру подвижники Древней Руси? (историческая справка к полемике о монашестве)» (1903), историк видел в социальной составляющей. Для него было определить, как думали по обсуждаемым теперь вопросам древнерусские подвижники, какие они брали на себя задачи по отношению к миру и как совмещали это дело с обязанностями инока [9, с. 517].

С.И. Смирнов, как и Е.Е. Голубинский, обращается к личностям наиболее выдающихся подвижников Печерских и дает им следующую характеристику: «Отцы русского монашества преп. Антоний и Феодосий Печерские были подвижниками разных типов: первый, афонский постриженник, был созерцатель-отшельник, второй, постриженник уже Антония, соединял с созерцанием и великими подвигами выдающийся практический и организаторский талант» [10].

Основная добродетель Феодосия Печерского, по мнению историка, состояла в том, что он откликнулся на человеческое горе и нужду, думал о попечении мирян, иначе говоря, осуществлял социальное служение. С.И. Смирнов выделял следующие формы данного социального служения:

1. Обязанность молиться за мирян.

2. Обязанность быть учителем, даже пастырем мирян или же обличать мирскую неправду. К этой форме он относит обязанность быть духовником, брать «на... душу дело спасения духовных детей, учить их и руководить на пути спасения, в каждом шаге религиозно-нравственной их жизни, быть почти старцем для мирян» [11].

3. Заступничество или печалование. Эту форму социального служения древнерусских подвижников С.И. Смирнов относил к обычному делу преподобного печерского игумена, что соединялось с великим пастырским влиянием в мирской среде [12].

4. Благотворительность.

Историк идет от рассмотрения форм подвижничества преподобного Феодосия к обоснованию общих черт этого направления монашеского социального служения: «...Наше древнее монашество должно было видеть (и действительно видело) в его лице обязательный пример, а в деятельности... обязательную программу своего служения миру» [13]. Многие из подвижнического опыта Феодосия перенимаются печерской братией. С.И. Смирнов показывает и развитие благотворительности, и примеры обличения сильных земли – князей. Со временем и другие русские монастыри переняли от Киевского монастыря пример его служения миру – молитву за мирян, учительство в разных видах, печалование и благотворительность, «хотя, разумеется, в степени более слабой» [14]. Автор, отмечая скудость сведений о подвижничестве древнерусского монашества, все же находит примеры в истории, черпая материал из «житийной литературы». Он показывает благотворное влияние на общество преподобного Варлаама Хутынского, исследует духовническую практику преподобного Авраамия Смоленского.

Интересен и смелый вывод, сделанный С.И. Смирновым: «Приведенные данные с несомненностью убеждают, что духовническая деятельность монахов домонгольского или киевского периода среди мирян была не исключительным, а совершенно обычным явлением» [15]. При этом историк признается, что примеры открытого обличения властей и власть имущих подвижниками этого периода церковно-исторической науки неизвестны. Более знакомы случаи заступничества или печалования перед князьями.

Обращаясь к периоду XIV–XV вв., С.И. Смирнов исследует особенности нового этапа духовного подвижничества, непосредственно связанного с возникновением пустынного монашества. Ориентиром для исследователя становится преподобный Сергей Радонежский. С.И. Смирнов отмечает, что в своей практике преподобный Сергей наиболее полно реализовал идеал служения людям, ибо отличался равной любовью ко всем. Для московского историка Сергей Радонежский – это удивительное соединение служения миру и подвижничества [16]. Свой вывод доктор церковной истории С.И. Смирнов подкрепляет ссылкой на случаи, почерпнутые из «Жития преподобного Сергия».

Многочисленные ученики и собеседники преподобного Сергия, по словам ученого, не изменили тем формам служения миру, которые завещал святой, хотя представляли разные типы подвижничества. Наиболее излюбленной формой было печалование. Одной из заслуг преемников радонежского игумена автор считает принятие общежительных уставов. Как видим, церковная история XIV–XV вв. оказалась полнее отраженной в источниках, что и помогло ученому подробно реконструировать виды православного подвижничества.

Сам термин «подвижничество» в работе С.И. Смирнова, в отличие от старого понимания этого слова другими представителями богословской и церковно-исторической науки, приобретает более широкое значение. Говоря о XIV–XV вв., он переходит к характеристике книжных подвижников из лагеря иосифлян, поскольку симпатизирует Иосифу Волоцкому, который, отрицая созерцательный идеал монашества, проповедуемый антииосифлянской партией Нила Сорского, «считал монашество общественной силой, передовым правящим классом в церкви» [17].

Основываясь на анализе фактического материала, С.И. Смирнов утверждает, что древнерусский мир от подвижников православного благочестия и из святых обителей получал самую разнообразную помощь. Эта тема настолько увлекла московского академика, что через некоторое время он вновь обратился к ее изучению, посвятив ей два небольших исследования – «Исповедь мирян перед старцами: служение миру древнего монашества» (1905) и «Милосердный подвижник – Даниил Переяславский» (1908).

В работе 1905 г. С.И. Смирнов обосновывает тезис, согласно которому древний монастырь был связан тысячами нитей с христианским миром, поскольку «миряне шли в монастыри и древнее монашество усердно служило миру» [18, с. 1]. Рассматривая два вида монашества: созерцательное и практическое, – историк считает наиболее значимым второй вид: монахи-практики служили миру посредством исповеди, представлявшей духовную милостыню. Автор приходит к важному заключению, что в монастыре исповедь и покаяние для мирян были более удобны, нежели в церкви: «Старческая исповедь была тайной: и обставлена она была так, что ее слышал один

старец...» [19]. Несмотря на название работы, историк не анализирует факты древнерусской истории, он комментирует историю христианской церкви в древности, но выводы проецирует на жизнь русского монашества.

Говоря о подвижничестве преподобного Даниила, С.И. Смирнов отмечает, что его служение было облечено в своеобразную форму, заинтересовавшую ученого. Преподобный выстроил свой монастырь на месте братской могилы (скудельницы), в которой покоились тела умерших во время эпидемий. Историк задается вопросом: зачем преподобный Даниил это сделал? «Прежде всего затем, чтобы приносились молитвы поминовения о бесчисленных душах тех бедняков, которые положены в скудельницах, у которых не хватало средств погребстись и помянуться по обрядам церкви» [20, с. 571].

Упоминает С.И. Смирнов и другие формы подвижничества преподобного Даниила: кормить голодающих, совершать подвиги духовного милосердия, печаловаться за осужденных. Все это позволяет историку сделать вывод: «Преподобный совмещал подвиги милосердия, самоотверженного служения мирскому ближнему с деннонощными молитвами, постом и вообще иноческим деланием и соответственно этому устроил свой монастырь» [21]. Иначе говоря, на историческом материале С.И. Смирнов обосновывает тезис: духовное подвижничество в разных формах в интересах мира являлось нормой для древнерусского монашества.

Что касается реализации белым духовенством своих духовнических прав и полномочий, то на примере раскола старообрядства С.И. Смирнов показывает другую, крайне негативную сторону влияния пастырей на мир, проявлявшуюся в удержании мирян от Церкви [22]. Сочинения С.И. Смирнова внесли большой вклад в изучение церковно-исторической науки рубежа XIX–XX вв. темы социального служения Русской православной церкви в форме духовного подвижничества.

Интересен вклад и других историков Церкви в исследование данного феномена.

А.П. Доброклонский при составлении «Руководства по истории Русской Церкви» впервые обратил к теме подвижничества только при изучении второго периода в истории Русской Церкви (1237–1588). Он писал: «Между святыми подвижниками первое место по своему значению для северо-восточного иночества занимает преподобный Сергей Радонежский» [23]. На вопрос, в чем состояло подвижничество преподобного Сергия, А.П. Доброклонский ответил языком не научным, а житийным: «...С разных сторон стекались к нему иноки, ища у него руководства, к нему обращались основатели монастырей за благословением и богомольцы за молитвой» [24].

Другие подвижники, такие как Кирилл и Ферапонт Белозерские, обустроили два монастыря и воспитали основателей новых монастырей, тем самым укрепив традиции монастырского общежития. В большинстве случаев А.П. Доброклонский приводит фрагменты их житийной литературы, не давая исторического анализа. Однако сам факт обращения ученого к материалу «Руководства...» свидетельствует о рассмотрении им термина «подвижничество» в узком смысле. Так, например, характеризуя подвижников XVII в., А.П. Доброклонский отмечал: «Среди общих недостатков в монастырях... встречалось немало строгих подвижников. Многие, не довольствуясь обычными монашескими подвигами, налагали на себя более тяжелые и чрезвычайные. ...Во времена Никона в Валаамском монастыре некоторые иноки носили железные вериги и в продолжение 40 лет никогда не мылись; многие искали безмолвного уединения, изнуряли себя строгим постом, продолжительной молитвой без сна...» [25].

Обзор бунташной эпохи автор завершает личностью преподобного Андрея Тотемского, который, по мнению автора, был подвижником в силу того, что еще при жизни обладал даром исцеления и по кончине прославился чудесами [26]. Как видим, А.П. Доброклонский был далек от того, чтобы вкладывать в понятие «духовное просвещение» формы социального служения, ограничивая деятельность исторических персонажей деяниями во благо своих обитателей.

П.В. Знаменский в труде «Руководство к русской церковной истории» не отводит специального раздела изучению православного подвижничества, а монастырь в понимании историка – это место, куда стремились попасть лучшие люди, облечься в иноческий образ хотя бы перед смертью [27].

Совершенно иной точки зрения придерживался А.В. Карташев, разделявший взгляды Е.Е. Голубинского и С.И. Смирнова. У автора «Истории Русской Церкви» он заимствует мысль о том, что «монастыри по первоначальной своей задаче вовсе не имели в виду какого-нибудь служения человеческим обществам; они... старались как можно дальше убежать от них. Но так как мы следим обычно за историей монастырей, уже связанных с миром, то считаем справедливым спрашивать с них каких-либо заслуг пред обществом» [28, с. 226]. В своих рассуждениях о влиянии на народ «учительных монахов», о практике духовничества как направления социального служения древнерусского монашества А.В. Карташев приближается к основным положениям научной концепции С.И. Смирнова.

Наиболее удачной иллюстрацией религиозно-нравственного влияния монашества на общество является киевский период. «Кроме религиозно-нравственного служения русскому народу

наши древние монастыри не запятнали себя невниманием и к горьким житейским нуждам мирского человека, к тем невзгодам космической суеты, в которых даже тварь ему совоздыхает и соболезнает. Из истории Печерского монастыря мы знаем трогательные примеры милосердного участия его лучших братий к страданиям бедного некультурного человека, состоящего в тяжелом рабстве у неумолимой природы и у себе подобных», – пишет автор «Очерков...» [29]. К сожалению, в дальнейшем А.В. Карташёв не рассматривает эволюцию духовного подвижничества в последующие эпохи, занявшись изучением государственно-церковных отношений в период Московской Руси.

У других церковных историков, известных на общероссийском уровне, – М.В. Толстого, Е.Н. Поселянина – житийность и описательность при рассмотрении духовного подвижничества уступала место серьезному анализу. Например, М.В. Толстой на страницах «Рассказов...» неоднократно подходит к этой сложной теме при характеристике разных исторических периодов, при этом подчеркивая, что для подвижников монашеского благочестия важно было подвизаться в молитвах и труде, ничего не искать от людей и не прерывать правил молитвенного поведения для богатых посетителей [30]. Однако и он, говоря о святителе Стефане Пермском, не мог обойти молчанием важную часть социальной деятельности православных подвижников благочестия: «Обходя свою паству, святитель вместе с догматами истинной веры преподавал правила семейной и гражданской жизни, миролюбиво решал споры, помогал бедным» [31].

Говоря о провинциальных историках Церкви, следует отметить, что их внимание преимущественно привлекали исторические личности, оказавшие существенное влияние на развитие епархий, к которым эти историки принадлежали. Например, преподаватель Воронежской семинарии С.Н. Введенский считал важным проанализировать жизнь и деятельность святителя Митрофана Воронежского как государственного и церковного деятеля [32], а тульский историк П.И. Малицкий показал подвижническую деятельность преосвященного Мефодия [33]. Однако эти работы носили локальный характер и не содержали серьезных научных обобщений.

В результате рассмотрения того, как тема духовного подвижничества освещается в трудах историков рубежа XIX–XX вв., мы пришли к следующим выводам.

– Обращение к теме духовного подвижничества в истории Русской Церкви для большинства историков являлось обязанностью, определяемой принадлежностью к господствующей конфессии страны. Критическое отношение к житиям, заявленное светскими учеными, в основной массе православных авторов не было воспринято в качестве исследовательского императива, что обусловило общий невысокий уровень работ по этой теме, выполненных церковными историками.

– Представители церковно-исторической науки осуществили более важную, воспитательную задачу, показав богатство духовного подвига православных архиереев и пастырей в истории страны. В условиях православно-патерналистского государства это имело большее значение, чем воссоздание объективного исторического образа православного подвижника.

– Православные светские и церковные ученые-историки, всесторонне изучив феномен духовного подвижничества и создав универсальную классификацию форм духовного подвижничества, так и не смогли прийти к единому мнению относительно содержания самого термина «подвижничество». Расхождения во мнениях ученых мужей были существенными: от признания обязанности за черным и белым духовенством совершать духовный подвиг в интересах паствы до обоснования несоответствия этой деятельности догматам и традициям русского православия.

Ссылки:

1. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 268 с.
2. Фирсов С.Л. Проблема преодоления «средостения»: саровские торжества 1903 г. [Электронный ресурс] : доклад на V Саровской исторической конференции, посвященной 100-летию канонизации преподобного Серафима Саровского. Саров, 2003 // Библиотека Серафима Саровского. URL: <http://serafim-library.narod.ru/KanonizatciyaSerafima/kanon-sar-torjestva-1903.html> (дата обращения: 02.02.2020).
3. Голубинский Е.Е. История канонизация святых в Русской Церкви [Время от учреждения Святейшего Синода до наших дней] // Богословский вестник. 1894. Т. 3, № 9. С. 336–351.
4. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 480 с. ; Яхонтов И.А. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. 377 с.
5. Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-3 (10). С. 37–39.
6. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский. Вторая половина тома. 2-е изд. М., 1904. 944 с.
7. Там же. С. 647.
8. Там же. С. 654.
9. Смирнов С.И. Как служили миру подвижники Древней Руси? (Историческая справка к полемике о монашестве) // Богословский вестник. 1903. Т. 1, № 3. С. 516–580.
10. Там же. С. 519.
11. Там же. С. 522.
12. Там же. С. 523.

13. Там же. С. 529.
14. Там же. С. 531.
15. Там же. С. 532.
16. Там же. С. 540.
17. Там же. С. 558.
18. Смирнов С.И. Исповедь мирян перед старцами: служение миру древнего монашества // Богословский вестник. 1905. Т.3, № 9. С. 1–38.
19. Там же. С. 37.
20. Смирнов С.И. Милосердный подвижник – Даниил Переяславский (по поводу 400-летия его монастыря) // Богословский вестник. 1908. Т. 2, № 7–8. С. 569–576.
21. Там же. С. 574.
22. Смирнов С.И. Русские духовники и раскол старообрядчества // Богословский вестник. 1913. Т. 3, № 11. С. 506–532.
23. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. Вып. 2. Период северно-русской митрополии, 1237–1588. М., 2001. С. 800.
24. Там же. С. 806.
25. Там же. С. 1365.
26. Там же. С. 1370.
27. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1886. С. 40.
28. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви : в 3 ч. Ч. 1. М., 2017. 518 с.
29. Там же. С. 228.
30. Толстой М.В. Рассказы из истории Русской Церкви. М., 1901. С. 181.
31. Там же. С. 193.
32. Введенский С.Н. Святитель Митрофан Воронежский как церковно-государственный деятель эпохи преобразования // Воронежская старина. Вып. IV. Воронеж, 1904. С. 69–98.
33. Малицкий П.И. Пономарь – сто лет назад. Очерк из истории Тульской епархии. Историческая записка // Тульская старина. 1899. № 5. С. 14–22.

Редакторы: Буянов Сергей Юрьевич, Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Жбан Екатерина Сергеевна